

С.М. ОРУС-ООЛ

ПОЭТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО ТУВИНСКИХ СКАЗИТЕЛЕЙ

Мақалада туваның үш жыршысының орындауындағы жырларына текстологиялық талдау жасалады. Соның негізінде үш орындаушының дәстүрлі стилі және орындаушылық шеберлігі салыстырылады.

Makalede Tuva Türklerinin çeşitli yerel destancı ekollerinin üç temsilcisi tarafından muhtelif olay örgüsü çerçevesinde söylenen üç kahramanlık destanının icra edilmesi üzerinde tekstolojik izah yapılarak, ilgili temsilcilerin icra ustalığı ele alınmaktadır.

Традиционный стиль и исполнительское мастерство трех выдающихся представителей разных локальных тувинских школ Т.Баазаная (Улуг-Хемский р-н), О.Манная (Сют-Хольский р-н), О.Чанчы-Хоо (Монгун-Тайгинский р-н) рассмотрены нами посредством текстологического анализа на материалах трех разносюжетных героических сказаний "Хунан-Кара", "Боктуг-Кириш", "Бора-Шээлей", "Далай-Байбын-Хаан".

Необходимо отметить, что творческий путь и жизнь этих эпических певцов схожи. Молодые сказители перенимали произведения народного творчества через устную традицию от исполнителей предыдущих поколений, в основном от своих близких родственников. Манная училась у дедушки Дыгырыка, знаменитого знатока фольклора, перенявшего в свою очередь репертуар от матери-сказительницы Тоолдаар (Рассказывающая сказки), Чанчы-Хоо у отца сказителя Чапаажыка и брата Шара-Хоо, Баазаная - у дяди Конгааржыка, известного эпического певца своего времени. Все это свидетельствует о том, что у сказителей существовала прочная преемственность, в которой большое место занимала семейная традиция. У них есть общая черта: неграмотность или малограмотность. (Не имея возможности получить школьное образование, Чанчы-Хоо и Баазаная в то же время владели монгольским разговорным языком, Манная тувинской письменностью, созданной в Туве в 1930). Все они были бедны, занимались охотой. Обучение сказительскому мастерству у всех троих начиналось в возрасте 10-12 лет; признание общественности они получили в 18-20 лет. Исполнение героического эпоса для них не профессиональное занятие, служившее средством заработка, а сильное увлечение. Любимым жанром и основным костяком в репертуаре всех трех сказителей является героический эпос. Репертуар их отличается значительным сюжетным разнообразием: героическое сватовство, борьба с ханами завоевателями, измена жены или сестры богатыря и т.д. Вместе с тем эти певцы знают и помнят большинство наиболее распространенных эпических сюжетов, все виды сказок. Имеются в репертуаре Чанчы-Хоо, Баазаная, Манная общие героические сказания, популярные и в тувинской эпической традиции вообще: Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей, Бораадай-Мерген, Алдай-Сумбур. Для раскрытия традиционного стиля эпических певцов, наряду с сюжетно-композиционным строением их сказаний, посредством текстового сличения проанализировано нами использование каждым из них типических мест и основных поэтико-стилевых категорий - эпитетов и сравнений. Конкретное текстуальное сличение на всех повествовательных уровнях текстов разносюжетных сказаний Хунан-Кара, записанных со слов Чанчы-Хоо, Боктуг-Кириш.

Бора-Шээлей О.Манная и Далай-Байбын-Хан Баазаная показало, что для них характерна однотипная схема развития сюжета и композиции, общие, совпадающие конструктивные элементы повествования. Они пронизаны одной идеей создание семьи и борьба за освобождение народа от иноземных захватчиков. Систематическое сравнение текстов разносюжетных сказаний выявило также высокую степень постоянства ведущих мотивов, представляющих как единую цепь блоков. Вместе с тем, как показал анализ материала, эпические певцы находят каждый раз самостоятельный подход в компоновке содержания эпоса, вносят определенные новшества, которые отчетливо проявляются в описании конкретной фактуры мотивов, изменении их последовательности, сокращении или расширении, в использовании стилистических клише, эпитетов и сравнений. В устах разных сказителей устойчивые поэтико-стилевые слагаемые, отличаясь стабильностью, обобщенностью, все же обладают широким варьированием, зависящим не только от традиционности и архаичности текста эпического произведения, но и подчеркивающим индивидуальную особенность каждого сказителя, их творческий подход при передаче содержания и формы эпического повествования. При этом остаются общее содержание, ключевые слова и некоторые лексико-стилистические особенности языка, характерные для устной эпической поэзии. Степень наличия художественно-изобразительных средств, поэтического стиля и частота употребления их в записях от трех сказителей различна. Сказания в исполнении Чанчы-Хоо и Манная чрезвычайно богаты традиционными формулами и типическими местами, (тех и других гораздо меньше у Баазаная), что подтверждается их частотностью в текстах. Это объясняется, отчасти может быть тем, что текст Чанчы-Хоо записан на магнитофон с пения, от Манная имеется само запись, сказание же Баазаная зафиксировано собирателем под диктовку, поэтому, вероятно, пострадал его стиль. В каждом сказании имеются также свои специфические общие места и описания, они раскрываются по-своему, находят особое, присущее только ему словесно-поэтическое оформление и содержание. В эпосе Далай-Байбын-Хаан Баазаная имеются разнообразные, но неповторяющиеся в других тувинских сказаниях специфические поэтические описания, приобретающие стереотипный характер только в данном репертуаре сказителя. Отмечаются некоторые новообразования, архаичные наслоения и отдельные отступления от эпических моделей построения поэтических выражений. Чанчы-Хоо и Манная представители эпического стиля, в его унаследованных формах и клише. Они использовали, в отличие от Баазаная, готовые, устойчивые формулы и стереотипные твердые каноны в их функционировании, подобные другим эпическим произведениям тувинцев. Вместе с тем Чанчы-Хоо превосходно владел эпическим стихом, имел большой запас типических мест, которые являются развернутыми, обрастающими более детальными характеристиками; он легко варьировал их, оставляя при этом небольшое количество опорных слов. Эпические формулы и типические места у Чанчы-Хоо, оставаясь устойчивыми стереотипами, с точки зрения содержания, обладают динамичностью. В отличие от Чанчы-Хоо, Манная не любил наделять своих героев развернутыми характеристиками, нет у главных персонажей постоянных портретов. Одну и ту же характеристику, выраженную типическими местами (Холчук болган ала караан, Холуннеди коргулуп, Арын-Хирээти болган ала караан, Андара-дундере коргулуп - С ясными, как озерца, глазами, Смотрит, нахмурившись, Ясными, как у Хирээти, глазами, Смотрит, выката-выпуча) он давал разным персонажам богатырю, его сыну и сопернику в борьбе. Типические места и традиционные

формулы у Манная менее разнообразны, нежели у Чанчы-Хоо. Отличительной особенностью творчества Манная является также пристрастие к типическим местам, многократному описанию сцен охотничьего промысла. С помощью статистического метода мы установили основные формы проявления художественно-определяющей системы в вышеназванных трех сказаниях в исполнении трех сказителей: простые (эпитет и определяемое понятие) и сложные, составные эпитеты (двумя и более определениями). В результате выяснилось, что одинаковые эпические понятия, имеющиеся в них, оформляются разными эпитетами, где четко проявляется индивидуальное начало сказителей (юрта у Чанчы-Хоо: тии чок ак оргээ - дворцовая белая юрта; у Манная: тозан аът долганьп четпес докулчак ак оргээ - белая округлая юрта девяноста коням ее не объехать; у Баазаная: алды хана ак ог -шестирешеточная белая юрта). Для Чанчы-Хоо, кроме наследования традиционных эпитетов, характерно частое использование повторных двойных и контрастных эпитетов (бедик-бедик чер - высокие-высокие места, кызыл-кызыл булуттар - красные-красные тучи, ак-кара даш - белый-черный камень, бора-кара холчуктер - темно-серые озерки и т.д.); в тексте Манная преобладают охотничьи мотивы при изображении предметов быта (кара киш кежи борт - черная соболья шапка; буур кежи калбак кара таалын - широкая переметная сума из шкуры лося); числительные с определяемыми словами присущи сказанию Далай-Байбын-Хаан в исполнении Т.Баазаная (уш хонуктуг чер - трехдневное место; уш ай тозан хонук - три месяца девяноста дней) и т.д. Индивидуальные особенности трех эпических певцов выразительно проявляются и в использовании поэтических сравнений. Здесь также выявлены совпадающие и несовпадающие сравнения. Устойчивый характер эпического повествования прослеживается не только в пределах одного текста, но и в разновременных записях конкретных произведений. Основываясь на методике анализа разновременных записей эпоса, разработанной В.М. Гацаком, путем систематического текстологического сличения, изучались нами также разновременные записи от сказителя-учителя и сказителя-ученика, а также от одних и тех же исполнителей. Результаты процесса обучения эпическому искусству проверены нами при помощи сравнительного анализа текстов сказания "Боралдай-Мерген", записанных от сказителя-учителя и его ученика, а также от одних и тех же исполнителей (проанализированы разновременные записи текстов сказаний "Силач Улуг-Кара" Баштак-оола, "Алдай-Сумбер" Сурун-оола). Сравнительный анализ разновременных записей, сделанных от сказителя-учителя и сказителя-ученика (на уровне типических мест, художественно-определяющих констант и сравнений) показал, что основные компоненты эпического повествования обнаруживают неодинаковую степень сохраняемости. Основная сюжетная канва, последовательность событий, несмотря на некоторое перемещение эпизодов, композиционное строение, мотивы, имена действующих лиц, название эпических топонимов произведения обладают значительной устойчивостью. Сказитель в первую очередь усваивает и воспроизводит структуру и содержание повествования, а основные компоненты эпической поэтики и стиля при очевидной преемственности в живом бытовании эпических произведений обнаруживают разную степень гибкости и подвижности. Поэтому на уровне художественно-определяющих средств стабильность нарушается, но не беспредельно. Типические места и эпические формулы оказываются более постоянными, хотя они переходят из текста учителя в текст ученика в разных вариациях, чем художественно-определяющие сочетания, определяемые слова и поэтические сравнения, которые в этих текстах в

большой части не совпадают. Устойчивыми остаются только традиционные эпитеты, отдельные определительные сочетания и сравнения. Это не значит, что здесь налицо безбрежная свобода импровизации и ученик плохо запомнил текст учителя. В единичном тексте не обязательно появление всех поэтико-стилевых слагаемых, традиционно присущих эпосу. Пользуясь привычными для эпоса красками, сказитель обладает определенной свободой в их привлечении. Ученик опирается на сложившуюся традицию поэтических подробностей, но вносит в текст и свое индивидуальное начало. Что же касается разновременных записей одного исполнителя, то там варьирование типических мест происходит или за счет лексической синонимии, или же за счет добавления иных деталей, которые, тем не менее, являются традиционными. С другой стороны, при всех своих поэтико-стилевых различиях, тексты разносюжетных сказаний, записанных от различных исполнителей, обладают определенным фондом общих и совпадающих мест константами (термин В.М. Гацака), которые независимо от мелких различий, в основе своей имеют опорные понятия и принципы в художественно-поэтической системе тувинских героических сказаний. К ним относятся, прежде всего, традиционные формулы, постоянные эпитетные сочетания, поэтические сравнения, повторы, что свидетельствует о давней устной эпической традиции сказывания. Это значит, что основные компоненты поэтики и стиля преемственны; обнаруживают некоторую гибкость и подвижность в живом бытовании эпических произведений. Наследуемость сказительства (наследственная передача эпических знаний, семейная традиция) таким образом, прошла длительную преемственность, которая позволяла хранить и разрабатывать традиционные сюжеты и стиль эпоса. В результате этого тувинское повествование эпоса остается стабильным, сохраняется в памяти сказителя и производится при каждом исполнении, при передаче от одного сказителя к другому, прежде всего за счет сохранения определенной опорной системы, комплекса традиционной поэтики и стиля. В то же время традиционные и типичные для всей тувинской эпической культуры изобразительные средства, в устах разных сказителей имеют многовариантную разработку. В таких вариациях проявляется творческая индивидуальность сказителей, их высокое искусство исполнения, творческий подход при всей верности эпической традиции тувинцев. Вариативность является неотъемлемым свойством устной речи, в том числе исполнительской речи - речитатива сказителя. Что же касается эпической традиционности, то она гибка, и это напрямую связано с учетом вариантности как неотъемлемого свойства устной речи. В то же время именно традиционность задает определенные рамки вариантности. В соответствии с устной природой фольклора традиция и вариантность в нем оказываются неразрывно, органически связанными. По поводу вышеизложенного, очень удачно и красочно приводит пример профессор-лингвист Г.Ф. Благова; Традиция - это основа эпической ткани (слово основа употребляем здесь как термин ткацкого производства), а вариантность - это те узоры, которые цветными нитками по основе вышивают исполнители эпоса. Динамичное равновесие традиции и вариантности обеспечивает не только само существование фольклора, но и возможность его развития. Именно существование индивидуального варьирования в рамках традиционности является залогом жизнеспособности любого фольклорного жанра. Поэтому становится понятным, почему слушатели предпочитают, скажем, одного сказителя другому - если бы исполняемые ими произведения были бы сплошь построены на общих местах, да на типическом, вряд ли такое предпочтение стало бы возможным. Отсюда вывод: героические сказания тувинцев не находятся в застывшем состоянии. Бережно

передавая их из поколения в поколение, каждый последующий эпический певец вносит новые элементы в поэтику и стиль эпоса, тем самым, развивая и обогащая устное поэтическое творчество. При этом наследованию поэтической фактуры принадлежит решающая роль. Это говорит о том, сколь необходима для сказителя опора на сложившуюся традицию изложения эпоса. Она не препятствует проявлению индивидуального начала, но удерживает исполнителя в четко ограниченном русле. Правомерно считать, что это - воссоздание сказания в пределах его поэтико-стилевой традиции. Все сказанное, позволяет принять точку зрения В.М.Гацака: вековую историю эпического сказительства и существование живого бытования эпоса движет и поддерживает традиция. Пока есть традиция, существует и эпическое наследие народа.